

ОБАЯТЕЛЬНЫЙ МЕРЗАВЕЦ ШАДУРСКИЙ

*Куранты. - 1996. -
6 апр. - с. 7.*

очень любит джаз. А еще — работу

Впервые я увидела его в коридорах "Останкина": на моих глазах какая-то девушка с восторгом бросилась к нему.

— Ой, вы из "Ленкома"? Я вас в "Жестоких играх" видела, как здорово!

Чуть позже мы столкнулись в гримерной. Он сидел в кресле, обретая черты денди из прошлого века, и беспрерывно сыпал анекдотами, заражая весельем всех присутствующих. "Кто это?" — спросила я, когда он удалился.

— Сергей Чонишвили — молодой Шадурский.

В "Останкине" тогда снимались "Петербургские тайны"...

Теперь, два года спустя, когда "Петербургские тайны" уверенно завоевывают сердца любителей сериалов, Сергея ЧОНИШВИЛИ, исполнителя одной из главных ролей, все чаще останавливают на улицах.

— О чем спрашивают?

— О Шадурском, конечно. Стелют, что он такой негодяй, интересуются, что будет дальше. Но при всех отрицательных качествах моего героя к нему все равно почему-то относятся с симпатией.

— А как появился князь Шадурский в творческой биографии артиста Чонишвили?

— Меня пригласили на пробы. Режиссер-постановщик Леонид Аристархович Пчелкин долго меня рассматривал, после чего задумчиво сказал: "Вот этот грузин мне нравится..." Помолчал и добавил: "Он, конечно, грузин... но, если сбрит бороду, может и перестанет им быть". Я сбрил бороду и оказался похожим на молодых Гундареву и Брусникина. И стал князем Шадурским.

— В Шадурском привлекает отрицательное обаяние. Вы намеренно играли его симпатичным мерзавцем?

— Но ведь он более сложное существо, чем просто мерзавец. Авантюрист, игрок, философ, нишанец, если хотите. Он умен, образован, но вобрал в себя все пороки своих родителей и выстраивает биографию, основываясь на эгоизме. Он дворянин, но врожденные представления о чести у него сильно деформированы: я — Шадурский, а значит, любыми путями должен добиваться всего, чего захочу.

— Интересно играть отрицательного героя?

— Всегда заманчиво играть сложного. Хотя Шадурского нельзя было перегружать философскими мыслями — жанр телесериала имеет свои каноны. Но в этой роли было развитие. По ходу съемок линия Шадурского становилась все увлекательнее и напряженнее. Сценаристы писали продолжение после частично снятого материала, и многое в биографии Шадурского появилось потому, что именно таким, а не другим играл его артист Чонишвили. У нас было живое творчество на площадке.

— А как вообще складываются ваши взаимоотношения с кинематографом?

— Попадают под определение "случайные связи". Когда я учился в Щукинском училище, меня позвали в фильм "Курьер". Были очень хорошие пробы, но, по словам Шахназарова, его смутил мой "старый, циничный глаз", и они стали искать более молодого актера. Потом меня звал Натансон в свою картину "Валентин и Валентина", но я не смог — из-за главной роли в дипломном спектакле "Цена" А. Миллера. Позднее работал у Вадима Костроменко в "Дезертире" и в "Высшей истине бомбиста Алексея", у Тиграна Кеосаяна в "Катьке и Ши-

зе". У Александра Басова я снялся в двух картинах.

— А театр? Что может сказать о "Ленкоме" артист, проработавший в нем десять лет?

— Об этом надо говорить либо очень серьезно, либо вообще не говорить.

— Поговорим серьезно.

— "Ленком" — самая передовая театральная структура с организационной, финансовой и технической точек зрения. Он выстоял, когда упал интерес к театру вообще, и, если развалится все московские труппы, "Ленком" все равно развалится последним. Он особо силен тем, что в нем собралась команда людей-специалистов, которые, понимая свою невостребованность, тем не менее продолжают честно делать свое дело. В нем за три года можно прожить либо целую жизнь в искусстве, либо вообще перестать быть кому-нибудь нужным. Второе, к сожалению, случается чаще...

— Вы мало играете в театре?

— Я много играю в театре, я играю почти половину репертуара. Другое дело, что я играю...

— Летом, когда репетировались "Королевские игры", я случайно увидела в театре на доске объявлений: "...за активное сотрудничество и результативный актерский поиск" — персональная благодарность художественного руководителя театра Марка Захарова артисту Чонишвили. Разве такая оценка своего труда не приносит удовлетворения?

— Так дело же не в благодарностях...

— А в чем?

— В возможности серьезной работы. Ведь не случайно многие наши актеры играют в других театрах, в независимых антрепризах...

— А где кроме "Ленкома" можно увидеть артиста Сергея Чонишвили?

— В спектакле "Игра в жмурки". Это независимый театральный проект Андрея Житинкина, где мы играем вдвоем с замечательным актером Олегом Фоминым, к сожалению реже, чем хотелось бы: нет денег. А еще в Театре-студии Олега Табакова в спектакле "Псих". У меня там роль Венки — "Йога, принудчика, классически играющего на фо-но".

— А вы действительно играете на фортепиано?

— Да, играю джаз. Я джаз очень люблю, одно время довольно много им занимался.

— А что еще вы любите?

— Боюсь, тут я банален: работу. Вот сейчас скажу высокие слова: для артиста работа и есть жизнь. И это чистая правда! Если актер долго не выходит на сцену, он умирает как актер. Это профессия, которую нельзя постигать умозрительно, которой невозможно заниматься в ответственные часы, от и до. Процесс работы не прекращается никогда...

Вопросы задавала
Ольга ШАПОШКИНА.